

Николай Михайлович Карамзин

**Нечто о науках, искусствах
и просвещении**

Николай Карамзин

**Нечто о науках,
искусствах и просвещении**

«Public Domain»

1793

Карамзин Н. М.

Нечто о науках, искусствах и просвещении / Н. М. Карамзин — «Public Domain», 1793

ISBN 978-5-457-13836-0

«...таким образом, можно сказать, что науки были прежде университетов, академий, профессоров, магистров, бакалавров. Где натура, где человек, там учительница, там ученик – там наука. Хотя первые понятия диких людей были весьма недостаточны, но они служили основанием тех великолепных знаний, которыми украшается век наш; они были первым шагом к великим открытиям Ньютонов и Лейбницев – так источник, едва, едва журчащий под сению ветвистого дуба, мало-помалу расширяется, шумит и наконец образует величественную Волгу...»

ISBN 978-5-457-13836-0

© Карамзин Н. М., 1793
© Public Domain, 1793

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Николай Карамзин

Нечто о науках, искусствах и просвещении

*Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent la vie!*

St. Lambert¹

Был человек – и человек великий, незабвенный в летописях философии, в истории людей, – был человек, который со всем блеском красноречия доказывал, что просвещение для нас вредно и что науки несовместны с добродетелию!

Я чту великие твои дарования, красноречивый Руссо! Уважаю истины, открытые тобою современникам и потомству, – истины, отныне незагладимые на досках нашего познания, – люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою к человечеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы – парадоксами.

Вообще рассуждение его о науках² есть, так сказать, логический хаос, в котором виден только обманчивый порядок или призрак порядка; в котором сияет только *ложное* солнце – как в хаосе творения, по описанию одного поэта, – и день с ночью непосредственно, то есть без утра и вечера, соединяются. Оно есть собрание противоречий и софизмов, предложенных – в чем надобно отдать справедливость автору – с немалым искусством.

«Но Жан-Жака нет уже на свете: на что беспокоить прах его?» – творца нет на свете, но творение существует; невежды читают его – самые те, которые ничего более не читают, – и под эгидою славного женевагражданина злословят просвещение. Если бы небесный Юпитер отдал им на время гром свой, то великолепное здание наук в одну минуту превратилось бы в пепел.

Я осмеливаюсь предложить некоторые примечания, некоторые мысли свои о сем важном предмете. Они не суть плод глубокого размышления, но первые, так сказать, идеи, возбужденные чтением Руссова творения³.

Со времен Аристотелевых твердят ученые, что надобно определять вещи, когда желаешь говорить об них и говорить основательно. Дефиниции, или определения, служат фаросом^[1] в путях умствования – фаросом, который беспрестанно должен сиять пред глазами нашими, если мы не хотим с прямой черты совратиться. Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, что искусства. Правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме, как пустые фантомы и чада Химеры: то есть трактат его остался бы в туманной области небытия, – а Жан-Жаку непременно хотелось бранить ученость и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать свое отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!

² Discours sur la question, proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les mœurs? (Рассуждение о вопросе, предложенном академией города Дижона, способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов (франц.). – Ред.).

³ Новая пьеса одного неизвестного немецкого автора, которая нечаянно попала в руки и в которой бедные науки страдают ужасным образом, заставила меня прочесть со вниманием «Discours» de J.-J. («Рассуждение» Жан-Жака (франц.). – Ред.). – Примечания мои неважны, но они по крайней мере не выписаны ни из Готье, ни из Лаборда, ни из Мену, которых я или совсем не читал, или совсем забыл. – Что же принадлежит до господина немецкого анонимуса, то он, кроме злобы, тупоумия и несносного готтедского слога, ничем похвалиться не может; на такие сочинения нет ответа.

Несмотря на разные классы наук, несмотря на разные имена их, они суть не что иное, как *познание природы и человека, или система сведений и умствований, относящихся к сим двум предметам*⁴.

От чего произошли они? – От любопытства, которое есть одно из сильнейших побуждений души человеческой: любопытства, соединенного с разумом.

Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам? – Может ли человек быть бесчувствен тогда, когда громы природы гремят над его головою; когда страшные огни ее пылают на горизонте и рассекают небо; когда моря ее шумят и ревут в необозримых своих равнинах; когда она цветет перед ним в зеленой одежде своей, или сияет в злате блестящих плодов, или, как будто бы утружденная великолепием своих феноменов, облекается в черную ризу осени и погружается в зимний сон под белым кровом снегов своих?

Обратимся во тьму прошедшего; углубимся в бездну минувших веков и вступим в те давно истлевшие леса, в которых человечество, по словам твоим, о Руссо! блаженствовало в физическом и душевном мерцании; устремим взор наш на юного сына природы, там живущего: мы увидим, что и он не только о физических потребностях думает; что и он имеет душу, которая требует себе не телесной пищи. Сей дикий взирает с удивлением на картину природы; око его обращается от предмета к предмету – от заходящего солнца на восходящую луну, от грозной скалы, опеняемой валами, на прекрасный ландшафт, где ручейки журчат в серебряных нитях, где свежие цветы пестреют и благоухают. Он в тихом восхищении пленяется естественными красотами, иногда нежными и милыми, иногда страшными: впивает их, так сказать, в свое сердце всеми чувствами и наслаждается без насыщения. Все для него привлекательно; все хочет он видеть и осязать в нервах своих; спешит к отдаленнейшему, ищет конца горизонту и не находит его – небо во все стороны над ним разливается – природа вокруг его необозрима и сим величественным образом беспредельности вещает ему: *нет пределов твоему любопытству и наслаждению!* – Таким образом, собирает он бесчисленные идеи или чувственные понятия, которые суть не что иное, как непосредственное отражение предметов, и которые носятся сначала в душе его без всякого порядка; но скоро пробуждается в ней та удивительная сила или способность, которую называем мы разумом и которая ждала только чувственных впечатлений, чтобы начать свои действия. Подобно лучезарному солнцу, освещает она хаос идей, разделяет и совокупляет их, находит между ими различия и сходства, отношения, частное и общее, и производит идеи особого рода, идеи отвлеченные, которые составляют *знание*⁵, составляют уже *науку* — сперва науку природы, внешности, предметов; а потом, через разные отвлечения, достигает человек и до понятия о самом себе, обращается от чувствований к чувствующему и, не будучи Декартом, говорит: «*Cogito, ergo sum*» – *мыслю, следовательно существую*⁶; *что ж я?..* Вся наша антропология есть не что иное, как ответ на сей вопрос.

И, таким образом, можно сказать, что науки были прежде университетов, академий, профессоров, магистров, бакалавров. Где натура, где человек, там учительница, там ученик – там наука.

Хотя первые понятия диких людей были весьма недостаточны, но они служили основанием тех великолепных знаний, которыми украшается век наш; они были первым шагом

⁴ Познание сих двух предметов ведет нас к чувствованию всевечного творческого разума.

⁵ Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее от других вещей, представлять ее в связи с другими.

⁶ Известный Декартов силлогизм.

к великим открытиям Невтонов и Лейбницев – так источник, едва, едва журчащий под сению ветвистого дуба, мало-помалу расширяется, шумит и наконец образует величественную Волгу.

Кто же, описывая дикого или естественного человека, представляет его невнимательным, нелюбопытным, живущим всегда в одной сфере чувственных впечатлений, без всяких отвлеченных идей – думающим только об утолении голода и жажды и проводящим большую часть времени во сне и бесчувствии, – одним словом, зверем: тот сочиняет роман и описывает человека, который совсем не есть человек. Ни в Африке, ни в Америке не найдем мы таких бессмысленных людей. Нет! И готтентоты любопытны; и кафры стараются умножать свои понятия; и караибы имеют отвлеченные идеи, ибо у них есть уже язык, следствие многих умствований и соображений⁷. – Или пусть младенец будет нам примером юного человечества, младенец, которого душа чиста еще от всех наростов, несвойственных ее натуре! Не примечаем ли в нем желанья знать все, что представляется глазам его? Всякий шум, всякий необыкновенный предмет не возбуждает ли его внимания? – В сих первых движениях души видит философ определение человека; видит, что мы сотворены для *знаний, для науки*.

Что суть искусства? – Подражание натуре. Густые, сросшиеся ветви были образцом первой хижины и основанием архитектуры; ветер, веявший в отверстие сломленной трости или на струны лука, и поющие птички научили нас музыке – тень предметов – рисованию и живописи. Горлица, сетующая на ветви об умершем дружке своем, была наставницею первого элегического поэта;⁸ подобно ей хотел он выражать горесть свою, лишась милой подруги, – и все песни младенческих народов начинаются сравнением с предметами или действиями природы.

Но что ж заставило нас подражать натуре, то есть что произвело искусства? *Природное* человеку стремление к улучшению бытия своего, к умножению жизненных приятностей. От первого шалаша до Луврской колоннады, от первых звуков простой свирели до симфоний Гайдена, от первого начертания дерев до картин Рафаэлевых, от первой песни дикого до поэмы Клопштоковой человек следовал сему стремлению.

Он хочет жить *покойно*: рождаются так называемые *полезные искусства*; возносятся здания, которые защищают его от свирепости стихий. Он хочет жить *приятно*: являются так называемые *изящные искусства*, которые усыпают цветами жизненный путь его.

Итак, искусства и науки *необходимы*: ибо они суть плод природных склонностей и дарований человека и соединены с существом его, подобно как действия соединяются с причиною, то есть союзом неразрывным. Успехи их показывают, что духовная натура наша в течение времен, подобно как злато в горниле, очищается и достигает большего совершенства; показывают великое наше преимущество пред всеми иными животными, которые от начала мира живут в одном круге чувств и мыслей, между тем как люди беспрестанно его распространяют, обогащают, обновляют.

Я помню – и всегда буду помнить – что добрейший и любезнейший из наших философов, великий Боннет, сказал мне однажды на берегу Женевского озера, когда мы, взирая

⁷ Например, всякое прилагательное имя есть отвлечение. Времена глаголов, местоимения – все сие требует утонченных действий разума.

⁸ Я думаю, что первое пиитическое творение было не что иное, как изливание томно-горестного сердца; то есть, что первая поэзия была элегическая. Человек веселящийся бывает столько занят предметом своего веселья, своей радости, что не может заняться описанием своих чувств; он наслаждается и ни о чем более не думает. Напротив того, горестный друг, горестный любовник, потеряв милую половину души своей, любит думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избирает всю природу в поверенные грусти своей; ему кажется, что журчащая речка и шумящее дерево соболезнают о его утрате; состояние души его есть уже, так сказать, поэзия; он хочет облегчить свое сердце и облегчает его – слезами и песнию. – Все веселые стихотворения произошли в позднейшие времена, когда человек стал описывать не только свои, но и других людей чувства; не только настоящее но и прошедшее; не только действительное, но и возможное или вероятное.

на заходящее солнце, на золотые струи Лемана, говорили об успехах человеческого разума. «Мой друг!.. – сим именем называет Боннет⁹ всех тех, которые приходят к нему с любовью к истине... – Мой друг! Размышляющий человек может и должен надеяться, что впоследствии веков объяснится весь мрак в путях философии и заря наших смелейших предчувствий будет некогда солнцем уверения. Знания разливаются, как волны морские; необозримо их пространство; никакое острое зрение не может видеть отдаленного берега – но когда явится он утружденному взору мудрецов; когда мы узнаем все, что в странах подлунных знать можно: тогда – может быть – исчезнет мир сей, подобно волшебному замку, и человечество вступит в другую сферу жизни и блаженства». – Небесный свет сиял в сию минуту на лице женеvского философа, и мне казалось, что я слышу глас пророка.

⁹ Он был еще жив, когда я писал сии примечания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...фарос... – маяк.